

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Григорий Померанц Подступы к преобразению

Когда мы с Зинаидой Александровной сходили в гардероб, после лекции в питерском музее Ахматовой, нас остановили две девушки. «Нам хочется задать Вам очень глупый вопрос, – сказала одна из них. – Но кажется, Вы те самые люди, которые могут на него ответить: в чем смысл жизни?» Я не нашелся, что сразу сказать, а Зинаида Александровна ответила: «Вопрос совсем не глупый, над ним думали многие великие люди, но как на него ответить на ходу? А впрочем – почему бы нет... смысл – в преобразении».

Попробуем сегодня подумать, что же это значит – преобразиться? Зажечь в себе негасимый огонь? Пробыть путь в глубину, где горит этот вечно живой огонь? В Евангелии так назван выход наружу духовных глубин, выход наружу внутреннего света, как на горе Фавор случилось с Христом. Потом что-то подобное увидел Мотовилов у св.Серафима. Далай Лама XIV, комментируя Евангелие, рассказывал, что подобные случаи помнит и буддийское предание. Но суть преобразования не во внешнем, заметном глазам. Суть во внутренней перемене, во внезапном загорании внутреннего света, во внезапном открытии целой лестницы вверх, по которой идти и идти... Кто увидел глубинный свет, тому невозможно жить без прорыва к нему, жить на плоскости, на поверхности, в кружении обрывков, оторванных от Целого. И можно простоять тысячу дней на камне, чтобы открылась снова вертикаль, измерение, ведущее к Богу, – то, что св.Серафим назвал стяжанием Святого Духа. Не знание, не память, а реальность света. Преобразование – это не выученные слова, не знание заповедей. Это открытость глубине по ту сторону слов, знаков. Это исчезновение стен, открытость бесконечному. Это способность взглянуть на мир глазами Бога, как у автора книги Иова. Это способность ответить на свои же вопросы – человеческие, слишком человеческие – на вопли страдающего сердца и страдающего разума так, словно Бог дал человеку свой глаз. И тогда все неразрешимые вопросы расплылись и невыносимые страдания стали выносимы. И после потери всего, что Иов любил, после живой смерти – началась заново живая жизнь.

Пари, заключенное Богом с дьяволом – литературный прием древнееврейского писателя, некоторое «как бы», позволившее развернуть драму. Нелепо принимать эту условность за факт и спорить с Богом, как это делал К.Г.Юнг в своем «Ответе на Иова». Но что-то похожее на пари с дьяволом действительно встречается на свете. Таким спором с дьяволом стала жизнь

Зинаиды Александровны, когда она заболела. Первым ответом на вызов была мольба: если это продлится больше трех дней, то лучше смерть. А муки длились годами. Пришлось учиться подныривать под волны судорог, под болезнь маленького тела, и со своего одра возвращаться к чувству бесконечного внутреннего света, не зависевшего ни от чего, что может случиться на поверхности бытия.

Живая память встречи с бесконечностью света оказалась сильнее тьмы, Бог в человеческой груди выиграл пари с дьяволом, прокравшимся в человеческий мозг. Что-то подобное описано в прологе и эпилоге «Озера Сариклен», примерно в этих вечных образах. И ежедневный выигрыш пари рождает стихи, несущие свет, а не тьму, здоровье, а не болезнь. Более 40 лет тому назад, услышав эти стихи, я сразу же почувствовал опыт, стоявший за ними, и стал впитывать этот опыт.

Таков один из путей, который я проверил на себе: впитывать в себя опыт Иова, опыт невыносимого страдания, большего, чем смерть, и духовного воскресения, большего, чем страдание. Впитывать из глаз в глаза, впитывать по следу опыта в словах, звуках, красках. Впитывать в литургии света, в литургии восходов и закатов, в литургии, которую служат деревья и волны моря. Я уже рассказывал, что Мертону не хватало общих обрядов, и он создал еще свой: встречать рассвет пением псалмов. Так иногда читались и стихи Зинаиды Александровны на могиле Волошина или у костра.

Покойная Зельма Федоровна Руофф, написавшая книгу о Рильке, нашла новое слово: поэтология. Что-то вроде мифологии, но без наивного смешения метафоры с фактом, без превращения образа в кумир. У Зинаиды Александровны, в образах ее поэтологии, нет требования к Богу создать мир получше, без страдания и смерти. Есть требование к себе – понять свою задачу в этом мире, сохранять почву человеческого, в котором растет Божье. Сквозь превратности истории следить путь обожения, становления второй ипостаси, того второго и третьего и невесть какого пришествия, которое совершается в душах святых, как писал об этом Рейсбрук. Преображение неотделимо от сознания своей скромной роли в этом процессе, от умения найти паузу созерцания, когда рождается истина этого мгновенья, знание, что сделать, что сказать.

В доме Мадонны, созданном супругами Дохерти в Канаде, заведен был особый домик, называемый по-русски пустыней, и туда уединялись на день, на два; по мере сил молились, устав – засыпали, просыпаясь – снова молились, пока не отпадала, не отгорала вся суета и в тишине не рождался образ слова, которое сейчас надо сказать, или поступка, который надо совершить. У моего друга Лайфа Ховельсена, последователя Бухмана, такая пауза – час на рассвете, с 5 до 6 утра. Тут нет никакого шаблона, каждый может найти паузу по-своему и в тишине осознать свою сегодняшнюю задачу, основную мысль письма, стиха и

т.п., словом – свою роль, хотя самую маленькую, какая кому по силам, а это значит – сегодня, сейчас не давать тьме поглотить свет в себе и в своем ближнем, это значит сохранять почву для чуда, уравнивающего невежество и грех в истории; а может быть – уравнишивать и разрушительные силы во вселенной, сделать шаг от хаоса противоречий к гармонии противоречивых голосов. Ничего невозможно здесь доказать, но интуиция не требует доказательств:

Мир только чудом не исчез,
 Удерживает мирозданье
 Невидимый противовес,
 Немое противостоянье
 Души с ее крылатым «нет!»
 Растущей тяжести в ответ...

Я верю, что глубокое созерцание входит в круговорот Святого Духа, незримо участвующего в вихрях природных сил, незаметно поддерживая жизнь против смерти и хрупкую одухотворенность против бездуховных масс. Каждая жизнь и каждая личная одухотворенность смертны. Сказав жизнь, мы тем самым сказали смерть. Но наше глубокое сердце неотделимо от сердца вселенной, и в этой нераздельности, в этом причастии оно бессмертно. Как это всё получается, не знаю. Я так просто чувствую, вопреки очевидности смерти.

До всякой науки с ее законами термодинамики и тепловой смерти Будда говорил, умирая: «состоящее из частей подвержено разрушению, трудитесь прилежно...» Причащайтесь духовному Целому. Наш духовный труд поддерживает центростремительное движение, противостоящее вихрям, несущимся в тьму внешнюю. Преображение противостоит хаосу и вносит свой вклад в чудо света, не дает ненависти разорвать мир на части, и свет светит во тьме и тьма не объемлет его.

Зинаида Миркина О Преображении

Как-то по дороге на дачу мы разговорились с шофером, везшим нас. Разговор коснулся Отечественной войны – у него отец погиб на фронте.

- А Вы в Бога не перестали верить? – спросил наш собеседник у Г.С., – увидев все это, не перестали?
- Нет, – ответил Г.С.
- Вот этого я не понимаю, – пожал плечами шофер. – Если Бог всемогущ, почему Он не мог шмякнуть Гитлера?

Что ему было на это ответить? Он не верил в Бога и нисколько не страдал от этого. И совести отнюдь не потерял. Вера в Бога ему была совершенно не нужна и поэтому проповедовать ему было совершенно бесполезно. В нашем страшном мире доброго и справедливого хозяина нет и быть не может. В этом он был совершенно уверен.

Ну что же, я, пожалуй, тоже так думаю. Вовне хозяина мира нет. В зримом мире Его не найдешь. И умом Его не представишь.

Но вот только ли зримый и представимый мир есть, или есть еще что-то, чего не увидишь глазами, не представишь умом и не измеришь нашими мерками?

Я убеждена, что это незримое и умонепостигаемое не только есть, но даже обладает большей реальностью, чем всё, что мы ощущаем пятью чувствами. Наш мир – временный. Он исчезнет со временем, а тот, другой – нет. Наш – оболочка, а тот – суть, Сущий...

Я убеждена,.. но кто это удостоверит? Извне – никто. Одинокие чудаки, поэты, мистики что-то подозревают, но это так хрупко, так бездоказательно, неубедительно!..

Какой-то Белый Заяц (из одноименной сказки) нашел скрипку, которая говорит: всё хорошо, всё удивительно хорошо! И деревья это знают и цветы и певчие птицы; только зайцы еще этого не знают.

А потом и зайцы узнали... Но вот – волки!..

– Как это всё хорошо, когда на свете есть волки? – спрашивали зайцы.

– Как это всё хорошо, когда мы голодны? – спрашивают волки.

И одинокий Скрипач, а потом девочка-волшебница молчат в ответ, а говорит только скрипка. Всё то же. Её не переубедишь. Но убедит ли кого-нибудь она?

Да, тех, кого зачарует. Кто готов идти на риск быть съеденным, лишь бы Её слушать. Тех, кто готов отказаться от еды и тепла, лишь бы Её слушать... Словом, – тех, кто жив не единым хлебом, кто готов на жертву; тех, для кого этот трудный и

часто страшный мир подсвечен каким-то внутренним светом, говорящим о возможности преображения.

Такой свет увидел Даниил Андреев на реке Неруссе. И свет этот дал ему силы на всю жизнь, дал возможность вынести невыносимое.

Такой свет видел князь Мышкин. Этот юноша, большой тяжелейшей болезнью, каким-то шестым чувством узнал, что есть нечто бóльшее, чем любые страдания. Может быть, этот юноша нелеп еще больше, чем Белый Заяц из сказки. Все его поступки, с точки зрения здравого смысла, – дикие. Ну, а как звучит проповедь Того, Кто говорил: «подставь левую щеку, если тебя ударят по правой»? Вот Он и просил не меряться ни с кем силой, никому ничего не доказывать, а опираться на нечто совершенно не материальное, незримое, глубинное.

Что, все они – прекраснодушные мечтатели? Отнюдь, скорее нечто прямо противоположное им. Ни Христос, ни князь Мышкин, ни Д.Андреев ни на мгновение не отворачивались от страшной действительности. Они смотрели ей прямо в глаза. И только такие, как они, способны переглядеть саму смерть.

Что же дает им такую силу? Они обладают особым зрением. Духовным. Они видят гораздо глубже, чем все остальные. Видят глубочайший пласт бытия, на котором смерть – не хозяйка. Да, они как бы доглядели мир до конца, вернее до его бесконечности – до бессмертия. И удостоверились в существовании бессмертия. Не бессмертия плоти. Нет. Сама плоть находится на поверхностном слое бытия. Но есть что-то, что глубже плоти, хотя находится внутри нее. И там помещается источник света и самой жизни.

Об этой глубине и сказал Августин свое знаменитое: «на глубине бытия зла нет». Он узнал это из опыта. Он был на этой глубине, которая никогда не **обнаруживается** – не проявляется снаружи. Физическими глазами её не увидишь. Никакими исследованиями не подтвердишь. Это тот Огонь, который почувствовал Паскаль, как прожигающую нас насквозь, творящую силу. Он прожег насквозь материю. – До Духа. Паскаль почувствовал духовный огонь. Дух его стал огненным.

Внезапным всером раскрывшиеся скалы. –
 Со всех сторон, со всех небес вокруг –
 Тысячекрылый, всеобъяввший Дух –
 И я стою перед своим началом.
 Начало мира и его итог.
 Внутри, в сердце возвратились все потери.
 И можно сердцем собственным измерить,
 Как мир велик, как совершенен Бог.
 Еще ступень над каменной ступенью.
 Еще одна и – больше ничего.
 Вдруг выпасть из того круговращения,
 Которому название – естество.

Вначале – Дух. И лишь потом причина
 Судьбы и смерти. Луч в горах потух,
 Зайдя мне в грудь. Остановить лавину
 Ползущей вниз тяжелой вязкой глины
 Способен только Дух. Вначале – Дух!

Дух... Что это такое? Как ответить на этот вопрос?

Это то незримое, что никогда не проявляется в зримом мире, но без чего зримого мира нет.

Без Духа тело мертво. Мир тоже.

Зримый мир... Вот он перед глазами. Ну, скажем, дерево. Можно увидеть его, пощупать, почувствовать запах листвы. Но кто видел **рост** дерева? Тайное внутреннее движение, происходящее в нём? Проходит год, другой. Дерево становится выше, шире. Но самого становления, роста видеть нельзя.

Внутри мироздания идет постоянный процесс. Движение, не видимое нам. Мы видим мир в статике и видим результаты внутренней невидимой динамики.

Есть то, что мы видим, и есть то, что постоянно меняет эту видимость, – творит новое. Ибо мир не сотворен раз и навсегда. Мир творится постоянно. И тот, кто почувствовал эту незримую творящую силу, этот огонь Паскаля, тот знает, что это гораздо реальнее всего зримого, сотворенного. Это единственная подлинная реальность. Неизменная причина всех изменений – Дух.

Мы не видим роста дерева, но мы не сомневаемся в том, что оно растет. Сроки его изменений соотносимы со сроками нашей жизни. Но преобразование мира не соотносимо со сроками нашей жизни. Оно измеряется не десятками и сотнями лет, как у дерева, а гораздо большими единицами времени. И все-таки мир – не неизменная данность. Он изменяется, преобразуется – идет к новому образу.

И вот тут мне не обойтись без рассказа о своем собственном опыте, о котором я говорила не раз и все же не могу не повториться.

1945-ый год. Мне 19 лет. Только что окончилась война. У меня лично ничего особенного не произошло. Но все вопросы Иова обрушились на меня. Я задыхалась. Я не могла понять мир, где все едят друг друга и убивают друг друга, где все доставляют друг другу страдания. Мое собственное относительное благополучие только мучило меня. И мучение это было невыносимо.

И вот вдруг – явление фаворского света задолго до того, как я узнала, что это так называется. Просто – ель перед моим балконом на даче, вся залитая дождем, вспыхнула на солнце после грозы тысячами переливающихся капель. Свет в каплях бесконечно углублялся, умножался, удесятерился, как будто бы отражался в тысячах зеркал. И это меня перевернуло. Я – неверующая девочка, выросшая в семье коммунистов, упала на колени, закрыла глаза и вдруг неопровержимо почувствовала, что Творец этой красоты **совершенен**.

С точки зрения здравого смысла – полный абсурд. С моей новой точки зрения – полным абсурдом был здравый смысл, вся та логика, которая руководила мной до сих пор. Все было перевернуто вверх тормашками, так же как апостолы на иконе Феофана Грека «Преображение». И вслед за этим я увидела нечто совсем новое, непредставимое, ибо представить себе этого раньше ни за что бы не смогла. Я говорю «увидела», но не физическими глазами! Физические глаза видели только свет, помноженный на бесконечность. И ничего больше. Но этот свет прожёл и пересоздал мое сознание, и внутреннему зрению моему открылось Лицо, которое само являлось смыслом всей жизни, вбирало в себя все страдания и преображало их в свет.

Моя любовь к Лицу этому вспыхнула так же мгновенно, как свет на ели, и так же мгновенно я почувствовала Его любовь к себе. Эта любовь говорила мне, к какой великой высоте духовной мы призваны, говорила, что **высота** эта сто́ит всех мук, как бы снимает вопрос о муках.

Да, сознание мое было пересоздано, перевернуто, повернуто извне внутрь, – к той Реальности, которая находится только внутри. И – мгновенно понятая задача: **обнаружить** эту реальность единственным возможным образом: воплотить Её. Дать Ей плоть, ибо Она – только Дух и плоти не имеет.

Сила, создавшая жизнь, меня, красоту мира, действует внутри мира, а не вовне. Она не дергает свои создания за нитки, как марионеток. – Она вся вошла внутрь, отдав своим созданиям всё внешнее.

Всемогущая созидательная сила жизни находится внутри меня. Вот что было впечатано в тот Лик, который я увидела сердцем. Но между мной и тем, что внутри меня – моим глубочайшим «я» – огромное расстояние, которое можно преодолевать и преодолеть, собирая, а не рассеивая внутренние силы свои, взяв на себя всю ответственность за свои и чужие страдания, выдержав всю тяжесть земного бытия вплоть до креста.

Да, я ясно почувствовала, что каждый мой поступок, каждая мысль могут либо помочь, либо повредить Тому, Кто дал мне жизнь. Я могу либо помочь Творящему Духу воплотиться, либо помешать Ему, преградить дорогу. Я поняла вдруг, что должна не задавать вопросы кому-то внешнему, а отвечать на молчаливый вопрос Того, кто всё отдал мне и ждет от меня сотворчества и самоотдачи. Вопрос о смысле страданий, о возможности их преодоления обращен внутрь меня.

И в моем сердце вспыхнул ответ. Я как бы увидела сердцем, что создание и Создатель мира по замыслу Творческому – одно. Только замысел этот в нас еще не осуществлен. Вот что осуществилось в Христе. Совершенное создание неизбежно готово на величайшую жертву (жертву всем временным во имя вечного, всем внешним во имя внутреннего). И у Создателя мира была в некоем непредставимом начале мире такая же жертва, как у совершенного создания.

Творец не имеет в сотворенном им мире ни глаз, ни рук – не имеет плоти. Он отдал ее творению. Сотворил мир из себя самого. И теперь наша задача – вернуть Ему плоть, сделав нашу плоть **божественной** – вместилищем Бога.

Agnus Dei, Агнец Божий,
Бог, идущий на закланье, –
Ты истечь всем светом можешь.
Нет Тебя – одно сиянье.

В основаньи мира – Чудо,
Блеск священного пролога.
Тьма расколота. Повсюду –
Самоизлученье Бога.

Есть одна первопричина
Наших слез и благодати:
Не из камня, не из глины –
Из Себя творит Создатель.

Нет иного матерьяла
Для созданья этой шири.
Чтобы мир возник, не стало
Бога видимого в мире.

Как у гор и глади водной,
У Него – ни глаз, ни слуха.
Он нам плоть земную отдал
И остался только Духом.

Человек и зверь и птица
Своего Творца сильнее,
Жажущего воплотиться, –
Он ведь плоти не имеет.

Он лишь только Дух, и всё же
В вечности – лишь Он всемогущ.
Agnus Dei, Агнец Божий,
Как ты жаждешь, чтоб вручили

Мы Тебе всю волю нашу,
Мысль любую, вздох наш каждый.
Пусть же сердце станет чашей,
Утолившей Божью жажду.

Нет ни крова, ни имения –
 Всё отдавший, всем открытый,
 Ты есть жизнь и воскресенье.
 Как мне стать Твоей защитой?!

Жар любви и пламень веры
 Да зажжется он в глубинах!
 Agnus Dei, miserere,
 Бог бессмертный, пощади нас!

«Пощади!» К кому мы взываем? Ведь Лик, который я увидела сердцем, был сплошной любовью. Однако любовью, не отвечающей на мои немощные жалобы, а призывающей меня к росту и преображению. Это суровая Любовь, хотя большей любви, чем эта, не бывает.

В Лике не было ничего, принадлежащего **только** Ему. Высота духовная, которую я в Нем увидела, была предназначена не только Ему, но и мне. Он велел мне на нее подняться, **сделать ее моей высотой**.

У Рильке в «Импровизации на тему каприйской зимы» есть такие строки:

Лицо, о лицо моё, чье ты?
 Для каких же вещей и существ
 Ты – лицо?
 Что зовется лицом этих темных провалов,
 Этим внутренним бездн, где концы и начала,
 Черт не зная, влились в некончаемость линий?
 Есть у леса лицо? Есть лицо у твердыни
 Этой горной?

У природы нет лица. Все русалки и дриады и нимфы – игра воображения, – не Действительность. Действительность гораздо больше и глубже всего этого. Рильке вводит термин «Безграничная Действительность». И это самое грандиозное, что он знает. Никакое воображение с **этим** не сравнится.

Да, у гор и деревьев нет лица. Но они живые, бесконечно живые. И надо не придумывать им лицо, а **стать их лицом**. Они **ждут** лица. Звери имеют лицо, но это лицо только свое – не лицо мира. Рильке чувствует, что зверь как бы тяготится лицом – то есть смутно чувствует задачу, которая дается имеющему лицо. Задача эта посильна только человеку.

Не приходят ли звери к нам, будто прося
 Взять лицо? И звериная смутная вся
 Душа тяготится лицом.
 И глядит сквозь него
 Это малое, тайное их существо
 В жизнь. А мы?
 Звери нашей души смущены,
 Но еще не готовы
 На ничто.
 Им так нужен пастух, нашим душам.

Иными словами – тот, кто имеет лицо, должен отважиться на понимание, что вовне **ничего нет** (должен быть готов на ничто). Всё – внутри. Твое лицо всё вмещает и потому становится лицом **всего**, лицом мира.

Человек, который чувствует только за себя, за свое малое «я», не лучше зверя, а подчас и много хуже. Но человек создан по образу и подобию Божию. Человек призван вместить в себя весь мир. Из глаз совершенного человека должна глядеть Бесконечность. Он вместил Её. Человек должен преобразиться. – Вместить тот, высший Образ, по которому создан. Задача преображения человека очень трудна. Неимоверно. Но разрешима. Однако первое условие для тех, кто сознательно хочет решать эту задачу, одно – невозможность отказаться от нее. «Не могу иначе!» Если можешь, откажись, а если не можешь, будь готов на самые тяжелые испытания.

Смутное чувство этой задачи есть у многих. «Мы – гусеницы ангелов!» – говорил Набоков. Значит, чувствовал нашу незавершенность и великую задачу преображения. Пытался ли он выполнить эту задачу – другой вопрос, и сейчас я его касаться не буду. От задачи этой можно уклониться, отвлечься чем угодно, даже талантом. Но есть души, которые отвлечься от нее не могут. Ничем. Никогда. К ним принадлежит Рильке.

Еще в детстве в его уютный мирок врвалось что-то непредставимое, опрокидывающее весь уют, грозящее гибелью. «То, Громадное» – с дрожью говорил он. Формально говоря, так чувствует не он, а герой его, Мальте Лауридс Бригге, но нет сомнения, что это его собственные переживания. Всеми силами ребенок хотел бы избавиться от «громadного», но не мог. Молил взрослых, но взрослые даже не знали, что это такое. Бесконечность стучалась в сердце мальчика, мучила его. Все мечты, всё вообразимое было так ничтожно в его глазах перед этой **«Безграничной Действительностью»!**..

Что это такое? Оно прекрасно? Прекраснее всякой мечты? Да, но не только. Оно одновременно и ужасно. И ужас, внушаемый «тем, Громadным», ни с чем не сравним. «Каждый ангел ужасен», – скажет Рильке парадоксальную фразу в своих Дуинских элегиях.

Да, ужасен, ибо он опрокидывает нас, раздвигает нам сердце, может и разорвать его. «Безграничная Действительность» бесконечно больше нас. Когда случается что-то страшное, порой говорят: «Бог посетил». Божье посещение – это не приход деда Мороза с подарками, это вторжение в нашу размеренную жизнь Безмерного; это гроза, опрокидывающая наши дома, вырывающая с корнем деревья. Это вызов душе – сумеет ли она выдержать и вырасти в ответ «Высшему началу»? Борьба Иакова с ангелом – с Богом самим – есть угодная Богу борьба, растящая душу.

Кого тот ангел победил...
 Не станет тот искать побед.
 Он ждет, чтоб Высшее начало
 Его все чаще побеждало,
 Чтобы расти ему в ответ.

(Рильке. Перевод Б.Пастернака)

«Прекрасное – та часть ужасного, которую мы можем вместить», – сказал Рильке. Что это значит? Бесконечность страшила нас, только пока она была внешней нам, но если она вмещена внутрь, она стала нами. Мы сами бесконечны, и ничто уже не грозит нам. Однако не всё сразу мы можем вместить.

Мы смеем под тугой замок
 Замкнуть всё то, что обрели когда-то, –
 Наш тайный клад... И вновь, еще клочок
 Безмерности вдохнуть вовнутрь и спрятать,
 Как истинные властелины.

Так кончается «Импровизация на тему каприйской зимы». Задача преобразования осуществляется шаг за шагом, постепенно, бесконечным созерцанием прекрасного и ужасного – всего, что раздвигает наше сердце. И мы прекрасны ровно настолько, насколько смогли вместить в себя подлинной жизни со всей ее красотой и со всеми ужасами, вместить и не сломаться, а вырасти, обретая новую меру и постепенно дорастая до Божественной меры – нашей безмерности. Там – только прекрасное, там – зла нет. Но путь туда лежит через такие пропасти, что пройти, не сломав себе шею – подвиг. Недаром путников, идущих по этому пути, зовут подвижниками.

Путь в рай лежит через ад. «Держи ум свой в аде и не отчаивайся», – говорил св. Силуан. Это слова, которые прозвучали в самый глубине его души («Это сказал мне Бог в душе») и которые спасли его. Он должен был не бежать в испуге от обступивших его бесов, а переглядеть, т.е. перерастить их и утопить их в бездне собственной души. «Не отчаивайся» – знай, что есть в тебе нечто большее, чем сам ад.

Ну что же, раз пришло, то заходи,
 Огромное, косматое, лихое...
 Мне надо уместить тебя в груди
 Со всем твоим звериным диким воем,
 Чудовищное горе. Время игр
 Давно прошло. Померкли небылицы.
 В мой дом ворвался разъярённый тигр,
 И с этим тигром я должна ужиться.
 Выталкивать нельзя. Иначе съест
 И ближнего и дальнего соседа –
 Всех, кто беспечно лепится окрест
 И ничего о нем не хочет ведать.
 Не вытолкнуть. Но и не продохнуть,
 О, если бы судьба сняла излишки!
 Что значит всёммещающая грудь
 Придется мне узнать не понаслышке.

Итак, всёммещающая грудь или Лицо мира – вот призвание человека. И оно подобно призванию собрать разъятое на части тело Бога и исцелить Его, сделать целым.

Дьявольское могущество есть могущество отдельного творения. Противостоящего другим отдельностям и всецелому Творцу. Это могущество того, кто желает побеждать других, меряться с ними силой и овладевать ими. Божественное могущество есть могущество Того, кто никого не побеждает, никому не противостоит, а соединяется со всеми в единое целое, восстанавливая расколотую целостность Первоосновы.

Бог никем не овладевает. Он причащается всем и причащает всех Себе.

«Я без Тебя – ничто, но что Ты без меня?» – сказал немецкий мистик XVII века Ангелус Силезиус. Это глубочайшее понимание того, что Бог не может противостоять нам, как рука не может противостоять своему пальцу. Мы так же нужны Богу, как и Он – нам. Только осознав, что мы с ним одно, мы воистину осуществляемся.

Не противостояние, а причастие. Не раздробление, а воссоединение. В мире постоянно идут эти два процесса, пересекающие друг друга.

Но процесс дробления, борьбы, отделения от Творца жизни есть процесс отделения от самой жизни. Он обречён, хотя на короткой дистанции он торжествует победу.

Другой процесс – воссоединения с Творцом жизни, расширения души – преобразования – почти не заметен. Количественно он ничтожен. Сравнимо ли число святых и подвижников со всей остальной массой людей? И однако на этом ничтожном меньшинстве мир держится.

Мир, отделенный от своего Творца, болен, так же как тяжело больна человеческая душа, отделенная от своей глубины. Преображение – единственная возможность духовного выздоровления. Преображение – наша главная задача. И главное условие преобразования – это любовь к тому Образу, по которому мы созданы и который хотим воплотить.

Иов преобразился потому, что любовь к Богу оказалась в нем силой бóльшей, чем его непомерное страдание. Помогло ему только Богоявление, то есть вторжение в сердце любимого образа, который из далекого и смутного стал ослепительно близким, почти осязаемым.

Иов стал подобием Того, которого любил. Только в этом был выход.

Мы становимся тем, что (кого) мы любим. Это самый таинственный и обнадеживающий духовный закон. Любящий Христа, любящий святого, становится подобным им.

Истинная любовь бесконечно самоотверженна и ничего не просит от любимого. Ей ничего не надо, кроме его существования.

Любовь–обладание способна исполнить наши желания, удовлетворить потребности и оставить нас такими, какие мы есть. Но любовь–причастие ничего не хочет для себя. Только для любимого. Она причащает нас любимому. Мы становимся подобными ему. Наше сердце раскрывается, и любимый входит в нас целиком и творит нас по своему образу. Мы становимся с ним одно. Это и есть преобразование.

Очень затерта, подчас спародирована фраза Достоевского «Мир красота спасет». Но это великое духовное открытие. Тот, кто видит красоту Божьего мира и самого Бога и любит ее, становится прекрасным.

Скрипка Белого Зайца пела: «Все хорошо», а рядом были волки. Все разбежались. Скрипач остался один. Он плакал и играл. Играл и плакал. «Если никто мне не поверит, что ж, пусть тогда меня съедят», – думал он.

И Тот, кто бесконечно больше маленького зайчика, тоже был беззащитным агнцем и принес Себя в жертву, когда Ему не поверили.

И все-таки «Лев ляжет рядом с агнцем и дитя будет играть над норою аспиды»... И – ничто не приводит меня в такое волнение, как последние слова Апокалипсиса: «И отрёт Бог всякую слезу с очей их. И ни болезни, ни смерти более не будет, ибо прежнее прошло, миновало».

Я знаю, что это метафора.

И я хорошо знаю, что это правда. Большого я сказать не могу.

19 апреля 2002 г.